

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ВТОРАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РУССКИХ ЕГИПТОЛОГОВ

(17—20 августа 1922 г.).

В связи с ознаменованием столетнего юбилея дешифровки иероглифов Шампольоном, в Москве состоялся первый съезд русских египтологов, созданный Всероссийской Научной Ассоциацией Востоковедения и Центральным Институтом Востоковедения. Съезд открыт был представителем Ассоциации Востоковедения проф. И. Н. Бороздиным, указавшим на то, что египтология должна занимать видное место в деятельности Ассоциации. По заслушании приветствий утвержден президиум съезда в составе 2 председателей (В. В. Струве и И. Г. Франк-Каменецкий) и 3 секретарей (Н. Д. Флиттнер, Т. Н. Бороздина и А. В. Шмидт).

В течение первых 2 дней съезда заслушаны следующие научные доклады:

I. Проф. В. В. Струве. Словарник Голенищевского собрания.

Доклад содержит предварительную разработку одного из наиболее ценных папирусов Московского музея изящных искусств, давно уже вызвавшего к себе живой интерес у западно-европейских египтологов. Дав описание папируса и сообщив сведения об условиях его приобретения и о посвященных ему работах, докладчик, по сделанному им предварительному переводу, ознакомил съезд с содержанием папируса, представляющего собой словарь, заменявший египетской школе наш энциклопедический словарь. На основании различных списков того же памятника, хранящихся в других музеях, докладчик приходит к выводу о фрагментарности Словарника Голенищевского собрания. В подлинном виде текст охватывал всю совокупность знаний древнего Египта. В культурно-историческом, как и в филологическом, отношении ценны обширные перечисления названий должностных лиц и географических пунктов, а также значительное количество иностранных (преимущественно семитских) слов. (Целью составления текста является, по мнению докладчика, желание ознакомить учащихся-египтян со множеством семитских слов, влившихся в период XIX—XX дин. в египетский язык). Местом происхождения текста является, на основании историко-религиозных данных, город Мемфис; упоминание народов моря указывает на эпоху Рамсеса III, как на время его возникновения. (Указав далее на отличие данного памятника от словарников Среди. дар. и греко-римской эпохи, докладчик подробно останавливается на именах 2-х городов списка географических пунктов Египта. Первый, названный городом «Мущ, владычицы Магана», сопоставляется докладчиком с «Магано» клинописных текстов; второй, обозначенный в тексте как «чужеземное поселение Ири-Шепс», упоминающееся в текстах о ливийских войнах Мерисптаха, дает докладчику возможность определить пункт вторжения ливийцев в Нильскую долину в эпоху конца XIX дин.)

II. Т. Н. Козьмина-Бороздина. О научной деятельности египетского подразделения Музея Изыщных Искусств при Гос. Моск. Ун.—те.

Остановившись на открытии отдела, докладчик отметил значение Голенищевского собрания, составившего его основное ядро, и охарактеризовал деятельность б. хранителя коллекции, покойного академика Б. А. Тураева, принявшего главное участие в организации отдела и в осуществлении его научных задач. Далее докладчик сообщил о памятниках, поступивших в музей из других собраний, а также пожертвованных частными лицами и приобретенных постепенно музеем: коптские ткани, архаическое погребение, большое количество мелких предметов. В настоящее время коллекция насчитывает 6.471 номер (из них только 87 слепков). Научная разработка музейного

материала опубликована в «Памятниках Моск. Муз. Изд. Иск.», в издании которых главное участие приняли Б. А. Тураев и В. К. Мальмберг. До сих пор вышли 4 выпуска, посвященные описанию папирусов, барельефов, стен, статуи и статуэток. Кроме того, разработку музейных памятников содержат труды Б. А. Тураева, помещенные в других изданиях. Памятники музея разрабатывались также В. К. Мальмбергом, Б. В. Фармаковским, Ф. В. Баллодом и Г. Н. Козыминой Бороздиной. В настоящее время готовятся к печати дальнейшие издания памятников, разработанных В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер и Ф. Ф. Гессом. Над определенным материалом памятников работали проф. Ферман, Унковская, Ш. П. и Л. П. Крыжановские; растительные остатки (злаки и т. п.) определил Е. Цинзерлинг. Египетский подъяетдел регулярно обслуживал нужды университетского преподавания и широко развил общественно-просветительную деятельность в виде лекций, докладов, популярных обзоров и экскурсий как для учащихся, так и для широкой публики.

III. И. Г. Франк-Каменецкий. Религиозный синкретизм в Египте в фиванский период.

В противоположность укоренившемуся в египтологии взгляду на синкретизм, как на признак упадка религиозной мысли, докладчик, признавая правильность этого взгляда лишь для поздней стадии египетского богословия, подчеркивает, что синкретизм, присущий египетской религии во все периоды, начиная с древнейшего, неоднократно служил источником исключительно плодотворных религиозных идей. Отсюда вытекает необходимость установления различных форм синкретизма, как он применялся в отдельные периоды и в разных религиозных школах, и вместе с тем возникает вопрос о психологических предпосылках синкретизма. Последние докладчик ищет в своеобразной теории познания египтян, согласно которой явления окружающего мира представляют собой результат главной деятельности невидимых духов, рассматриваемых как их первопричина. Присущая этим духам способность перевоплощения делает возможным отождествление друг с другом самых разнородных богов, несмотря на все различие приписываемых последним внешних проявлений. На этой почве неоднократно устанавливалось тожество местных богов с космическими, что вело далее к сопоставлению между собой как местных, так и космических богов, при чем в зависимости от внешних условий, послуживших поводом к данному сопоставлению, полученное в результате новое божество оказывалось в большей или меньшей степени жизнеспособным и вело к созданию новых религиозных идей. (Древнейшим случаем применения синкретизма докладчик считает сопоставление местных богов с соответствующими животными или фетишами). Наметив вкратце ход развития религиозной мысли в Египте, докладчик приходит к выводу, что в отдельных случаях результатом синкретизма является ценный синтез религиозных идей, нередко объединяющий в одном образе всю сумму воззрений, концентрирующихся первоначально вокруг основных типов египетских богов (местного, национального, космического), отмечая, что именно на почве синкретизма египетская религия пришла к высшим обобщениям религиозной мысли — монотеизму и пантеизму. Лишь в период культурного упадка Египта синкретизм, в связи с общим застоем духовной жизни, постепенно вырождается в бесплодную игру ума, — что послужило поводом к установившемуся взгляду на него, как на симптом упадка религиозной мысли. — В дальнейшем дается обзор сопоставлений фиванского Амона с целым рядом богов (как солнечных, так и других) на основании подлинных иероглифических цитат, заимствованных из гимнов Амону. Перенесение на Амона черт, присущих первоначально другим богам, имеет своим последствием то, что в указанных гимнах ярко отразились как религиозные идеи Илпополи, так и богословская мысль Мемфиса, а также своеобразные космогонические представления, возникшие на почве культа Мина. Таким образом, гимны Амону могут служить источником для изучения важнейших моментов религиозной истории Египта, давая материал для обобщений, выводящих далеко за пределы культа фиванского бога.

IV. Ф. В. Баллод. Египетское искусство в эпоху Аменхотепса IV.

Опираясь на ранее опубликованный под тем же заглавием труд (М. 1914), докладчик, в противовес противоположным взглядам, настаивает на национальном характере египетского искусства в период Аменхотепса IV и подчеркивает текучесть египетского искусства, подвергавшегося на протяжении своего многовекового развития существенным изменениям. Искусство рассматриваемой эпохи можно подразделить на три периода. В первые годы царствования Аменхотепса IV памятники искусства как по технике, так и трактовке сюжетов обнаруживают еще тесную связь с фиванской школой. С перенесением резиденции в Ахет-Атоп начинается второй период, характер-

ризуемый расцветом натурализма, основанным на тщательном наблюдении и точном копировании изображаемого; в выборе и трактовке сюжетов наблюдается влияние египетской и мемфисской школ. В третьей период, совпадающий с неудачами в Азии и с обостренной борьбой с фиванскими жрецами, наблюдается усиление натурализма, доведенного до карикатурности; черты Эхнатона переносятся на окружающих, результатом чего является натуралистическая стилизация. Выяснив, далее, дошедшие от этой эпохи имена художников и распределив их по отдельным периодам (Мена—для 1-го, Бек и Юпн—для 2-го, Тутмес—для 3-го), докладчик приходит к новому выводу, что на основании характерных особенностей трактовки сюжетов в области египетского искусства возможно установить принадлежность некоторых произведений искусства не только определенной школе, но и определенному мастеру. Докладчик демонстрирует это положение на ряде памятников рассматриваемого периода, устанавливая, помимо известного нам художника Тутмеса, еще две современных ему школы.

V. Н. Д. Флиттнер. К вопросу о цилиндрах-печатах древнего Египта.

Дав описание цилиндров-печатей Моск. Муз. Из. Иск., содержащее характеристику отдельных типов, приблизительную датировку и разбор надписей, докладчик предлагает новую классификацию цилиндров и приходит к новым выводам относительно их назначения. Предложенная Newberry классификация цилиндров, основанная преимущественно на их внешнем виде делит их на два типа: а) короткий толстый с узким проходом для шнура, б) длинный, сравнительно тонкий «полый внутри». Указав на то, что, во-первых, цилиндры первого типа содержат обычно имена частных лиц, имена богов, наименование местностей и изредка титулы, а цилиндры второго типа обычно только чиновничью титулатуру, наименование царских доменов и имена царей; во вторых, цилиндры первого типа встречаются только в подлинниках, тогда как откаты на «пробках» принадлежат исключительно цилиндрам второго типа, — докладчик, приняв во внимание двойное назначение скарабеев, как печатей и амулетов, полагает, что цилиндры первого типа, материалом для которых служит большей частью камень, кость, золото (лишь крайне редко—дерево), имели преимущественно значение амулетов и лишь в некоторых случаях могли играть также роль печатей, при чем это назначение их было вторичным; цилиндры второго типа, обычно изготавливаемые из дерева и лишь в редких случаях из камня, служили печатями. Указав, далее, на встречающиеся на некоторых цилиндрах моск. коллекции изображения человека, сидящего перед жертвенным столом, что на основании сопоставления этого изображения с ранними мемфисскими статуями характеризует эти цилиндры, как заупокойные памятники, а также на отсутствие монтированных цилиндров среди найденных в могилах цилиндров первого типа, докладчик приходит к выводу, что часть цилиндров этого рода имела назначение заупокойных амулетов, что подтверждается встретившейся на трех московских экземплярах этих памятников заупокойной формулой *dj njsvt htp* («да даст дарь жертвы»). На основании изложенного все вообще цилиндры предлагается разделить на три типа: а) цилиндров-печатей преимущественно царских канцелярий и должностных лиц этих канцелярий, б) цилиндров-амулетов частных лиц, игравших, может быть, роль также печатей и в) цилиндров-амулетов заупокойного характера с встречающейся формулой *dj njsvt htp*.

VI. А. А. Захаров. Египет и Эгейский мир по новой книге Эванса «The Palace of Minos 1921».

Докладчик задается целью познакомить присутствующих с новым важным археологическим изданием, подводящим итог многолетней деятельности английского исследователя в Кноссе и содержащем результаты не только его личных раскопок, но также раскопок других исследователей, как на Крите, так и вообще в восточной половине Средиземного моря. Основной толчок к развитию минойской культуры на Крите полагает, по мнению автора, с юга, из Египта; само же древнейшее население острова было, как он полагает, родственно анатолийцам «арменоидного» типа. Возможно и переселение на остров жителей Нильской долины, ибо уже очень рано на Крите появляются изображения кораблей (один из знаков иероглифического критского письма). Чаши из камня, найденные в ранне-минойском слое, соответствуют найденным в Египте в гробнице Снофру и храме Сахура. В смутную эпоху (VI—XI днн.) связь между островом и Египтом ослабевает; в это время (ранне-минойской и I среди-мин. период) проявляется некоторое влияние севера (Киклад), но эпоха XII днн. отчасти опять-таки оказала влияние на Крит (находка египетской статуи в центральном дворе Кносса в слое MM II); с другой стороны, прекрасная полихромная посуда средне-минойских фабрик найдена в Кахуне, Абидосе и др. местах вместе с памятниками XII и XIII днн.

Открытия, сделанные на острове Фаросе г. Жондэ в виде остатков порта, относимого им к до-эллинской эпохе, ставят вопрос о сношениях Эгейского мира с Египтом на совершенно новую почву, заставляя думать о поселениях здесь критян, подобно позднему поселению греков в Навкратисе (докладчик отмечает полную спорность этого предположения). На связь с Египтом в эпоху гиксосов указывает находка в слое ММIII алебастровой крышки с картушем Хиана. Еще оживленнее сношения становятся в эпоху Нового царства; изображения минойскими художниками нильских сцен с массой реальных подробностей заставляют думать, что они работали, живя в Египте. Система иероглифов Крита, конечно, развилась самостоятельно, но все же можно подозревать известный стимул со стороны Египта, на что указывают некоторые заимствованные знаки. Амулеты египетской формы (подвески в форме ноги) указывают на известную общность в народных суевериях. Показательно употребление систра на изображениях и сосуды для возлияний с двумя носиками, связанные в Египте с первобытным культом Гора и Сета. Религиозный синкретизм с Египтом можно видеть в изображениях грифонов и усвоении египетских символов Waz и anch, или гаторовских эмблем вроде коровы, лижущей своего теленка. Богиня Wazit, может быть, послужила прототипом для «Зменной» богини Кносса, а Ta-urt образцом для минойских гениев. — Позднеминойский период Эванс обещает рассмотреть в двух следующих томах своего труда.

3-й день съезда посвящен был обсуждению деловых вопросов, связанных с насущными нуждами русской египтологии; между прочим, постановлено:

1) Обратит внимание правительства на необходимость принятия срочных мер для ремонта и отопления музейных зданий, в которых хранятся египетские памятники.

2) Изыскать средства к скорейшему и полнейшему опубликованию литературного наследия покойного академика Б. А. Тураева.

3) Приступить к возобновлению издания «Культурно-исторических памятников древнего Востока», выходявших под редакцией Б. А. Тураева.

4) Принять все меры к скорейшему опубликованию уже подготовленных описаний египетских памятников петроградского Эрмитажа и московского музея изящных искусств, для чего обратиться к содействию Академии Наук, Академии истории материальной культуры и др. научных учреждений.

5) Озаботиться подготовкой к печати и изданием уже подготовленных учебников по различным отраслям египтологии и приступить к выработке плана и предварительной разработке материала для издания в будущем коллективного труда учебного характера, содержащего энциклопедическую сводку египтологических дисциплин соответственно нынешнему уровню науки.

6) Организовать объединение русских египтологов при Всер. Научн. Ассоциации Востоковедения с двумя отделениями: в Петрограде (Председатель В. В. Струве, секретарь Н. Д. Флиттнер) и в Москве (Предс. И. Г. Франк-Каменецкий, секр. Т. Н. Бороздина); оба отделения вместе образуют Бюро русских египтологов, на которое, между прочим, возложено конкретное осуществление постановлений съезда, установление и поддержание связи с западно-европейскими египтологами, подготовка и созыв следующего съезда через 2 года в Петрограде.

Принимая во внимание незначительное количество активных участников съезда, нельзя не отметить разнообразия представленного научного материала, давшего повод к оживленному обмену мнениями по ряду основных вопросов, касающихся почти всех отраслей египтологии: филология, история, археология, искусства, религии и условия музейной работы. Благодаря выступлению не-египтолога проф. А. А. Захарова, на съезде был поднят и освещен столь важный для египтологии вопрос об отношении Египта к миру Эгейской культуры. Обсуждение деловых вопросов обнаружило как разнообразие научных интересов, так и полную готовность участников съезда к согласованной взаимно-дополняющей работе и общее стремление к объединению вокруг славной памяти основателя русской египтологической школы — покойного академика Б. А. Тураева.

20 августа съезд в полном составе принял участие в торжественном заседании различных ученых учреждений Москвы, посвященном столетнему юбилею дешифровки иероглифов Шампольоном. Председательствовавший в заседании проф. И. Н. Бороздин в своем вступительном слове вкратце охарактеризовал значение открытия Шампольона и, между прочим, выразил надежду, что настоящий юбилей, являясь общим праздником всего культурного человечества, послужит толчком к восстановлению нарушенного сотрудничества культурных наций мира на почве научного творчества.

И. Г. Франк-Каменецкий прочел доклад под заглавием «Дешифровка иероглифов и успехи египтологии в западной Европе». Остановившись подробно на пред-

шестьдесятниках Шампольона, докладчик охарактеризовал неудачные попытки А. Ф. Кирхера и его школы и указал на переворот, произведенный в науке находждением Розеттского камня, вызвавшим ценные исследования Саси, Окерבלа и Юнга, при чем подробно изложил примененный последним метод и выяснил уровень достигнутых им результатов. Сообщив, далее, кратко биографические сведения о Шампольоне, докладчик указал на то, что дешифровка иероглифов, несмотря на почти мгновенную внезапность сделанного открытия, отнюдь не была делом дивинации, а является результатом точного наблюдения конкретных фактов и методической разработки основанных на этих наблюдениях теоретических построений. Докладчик пытался детально восстановить сложный генезис идей Шампольона, проследив важнейшие моменты в развитии его научного творчества, и выяснить причины его долгих колебаний между истиной и заблуждением. Сложная структура иероглифического письма не в меньшей степени, чем укоренившийся предрассудок о чисто идеографическом характере иероглифов, до крайности затруднила разрешение проблемы, допуская самые противоположные истолкования сделанных наблюдений. Почти накануне разгадки Шампольон счел себя вынужденным отказаться от им самим впервые провозглашенного принципа звукового значения иероглифов. Но лишь только счастливый случай дал ему в руки материал, сделавший возможным уразумение истины,—весь накопившийся за долгие годы исканий запас наблюдений разом предстал перед ним в новом освещении, и первый правильно сделанный шаг (прочтение имен Птолемея и Клеопатры) одновременно заключал в себе окончательное разрешение проблемы. Отсюда кажущаяся внезапность сделанного открытия, смелый переход от чтения царских имен греко-римской эпохи к анализу имен древних фараонов, от последних к именам богов и частных лиц и в результате уверенное и правильное понимание всех вообще египетских текстов. Охарактеризовав затем основной труд Шампольона о иероглифах (*Precis du système hieroglyphique*), докладчик остановился на споре о приоритете между Юнгом и Шампольоном, указав на то, что, несмотря на правильное суждение их современника Саси, ложное мнение о приоритете Юнга могло быть отстаиваемо вплоть до конца прошлого века, пока англичанин *Le-Page Renouf* и биограф Шампольона *H. Hartleben* не установили окончательно безусловной оригинальности открытия, сделанного гениальным основателем египтологии. Коснувшись вкратце деятельности Шампольона после установления чтения иероглифов, докладчик перешел к обзору важнейших успехов в египтологии на западе после Шампольона.

Т. Н. Бороздина прочла доклад под заглавием *«Египтология в России»*. Докладчик подробно остановился на совершенно незатронутом в литературе вопросе об интересе к египтологии в России до 70-х годов прошлого столетия, сообщив цитаты из статьи о Шампольоне в «Телескопе» Надеждина (1831 г.), из одновременного открытого письма Гудьянова к редактору «Телескопа», содержащего полемичку против Шампольона, из письма Чаадаева к Пушкину с упоминанием Клапрота и Гудьянова (известных своим враждебным отношением к системе Шампольона), из «Путешествия Авраама Норова» и из сочинений Сенковского, содержащих любопытное отражение открытия Шампольона в русской литературе первой половины прошлого столетия и нередко проникнутых неподдельным юмором той эпохи. Указав далее на курс истории древнего Востока, читанный Рославским-Петровским в Харькове в 1864—65 г. и содержащим обзор современной автору литературы по истории Египта на западе, и коснувшись истории эрмитажной коллекции и приобретения петербургских фениксов, докладчик перешел к обзору русской египтологии, охарактеризовав деятельность петербургского египтолога О. Лемма, остановившись подробно на ученых трудах, археологических изысканиях и коллекционерной деятельности москвича—египтолога В. С. Голенищева и дав обстоятельный обзор ученых заслуг и преподавательской деятельности основателя русской египтологической школы Б. А. Тураева, в последние годы своей жизни отдавшего так много сил и внимания Москве и способствовавшего водворению в Москве знаменитой коллекции Голенищева, тем самым предопределив роль Москвы, как притягательного пункта для русских египтологов.

Над всей работой съезда незримо витал дух отда русской египтологии, покойного академика Б. А. Тураева. С первого момента открытия съезда это имя с теплым чувством прозвучало во вступительной речи проф. И. Н. Бороздина, в приветственных словах директора музея изящных искусств В. Г. Гиацинтова, отметившего с удовлетворением, что первое заседание I-го съезда русских египтологов происходит в стенах музея, в котором протекала главная работа покойного Б. А. Тураева во время его частых выездов в Москву.

И. Франк-Каменицкий.